

Сердце подскажет дорогу к счастью

Твоя жена
Пенелопа

Роман

В Е Р А
КОЛОЧКОВА

Вера Александровна Колочкова

Твоя жена Пенелопа

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6513516
Колочкова В. Твоя жена Пенелопа : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-68633-9*

Аннотация

Вот уже около года Нина живет с парнем, который совсем не собирается звать ее замуж. Она его любит, он ее вроде бы тоже. Но почему Никита не спешит узаконить их союз? Почему живет с ней так, будто свободен от всех обязательств? Но странно другое – почему Нина все это терпит? Глотает слезы, копит обиды, но... терпит.

Вера Колочкова

Твоя жена Пенелопа

– Нинк... А твой жениться на тебе собирается, или как?

Они с матерью вздрогнули, как две испуганные мыши, одинаково повернули головы назад. Отец стоял в кухонном проеме, смотрел злобно поверх очков. Надо же, как незаметно подкрался. Собрал медвежье тулово в тонус и подкрался. Вообще-то на него не похоже, чтоб так, исподтишка... Не отцова манера. Но никуда не денешься – вот он, стоит в дверях, ответа ждет, вынь да подай. Причем ответа немедленного и положительного, иначе... Иначе берегитесь, жена и дочь. Рассержусь, мало не покажется.

– А ты чего встал-то, Володь? – елеинно заговорила мама, суетливо отодвигая пустую чайную чашку. – Тебе ж в смену сегодня. Спал бы да спал еще...

– На работе выплюсь. Чего ночному сторожу делать-то? Сиж, караулю, сам не знаю кого... Работа пустышная, зарплата – копейка. Чего об ней толковать?

– Ну да, Володь, ну да... И не говори... Чего уж там толковать особо, – тихо вздохнула мама.

Иногда, глядя на родителей, она чувствовала себя героиней старого фильма «Маленькая Вера». Накатывало неуютное ощущение, хоть под столом от него прячься. Папа, кстати, по молодости очень был похож на отца героини из фильма. Но с годами отяжелел, обрюзг, осип и охрип... Не получалось уже нагонять прежнего страха на жену и дочь. Потуги на сердитое подавление были, а страха – нет. Да и она на героиню фильма, если честно, не тянет... Эта маленькая Вера наглая девица была, ей всякое отцовское подавление – тьфу, плюнуть и растереть. Не зря же говорят, что наглость – второе счастье. Не всем дано. У нее, например, не получается. Жить по-своему, худо-бедно, получается, а плюнуть и растереть – нет...

– Так чего, Нинка? Долго твой хлыщ нам нервы трепать будет?

– Он не хлыщ, пап.

– Да? А кто ж он еще? Ишь, хорошо как пристроился на дармовщинку! Жить вместе с девкой, значит, можно, а жениться на ней не обязательно?

– Володь... Ну, Володь... – засуетилась мама, вставая из-за стола и сгребая ребром ладони рассыпанные по клеенке хлебные крошки.

Нина незаметно вздохнула, тоскливо глядя на мамины руки. Сколько раз просила – мам, отучись от этой привычки... Не война же, чтобы крошки со стола сметать! Руками! Смотреть неловко! Сейчас еще и другую ладошку к краю стола приспособит, сметет эти несчастные крошки туда. Потом выбросит в раковину небрежно... Такая вот привычно никчемная манипуляция, с детства знакомая. И мама в этой суетливости и никчемности – тоже... привычная. Если не сказать более обидно.

– Володь... Ну, я ж рассказывала тебе, Володь... Сейчас времена другие пошли, сейчас у них, у молодежи, все по-другому! Мы ж с тобой позднечко Нинку родили, успели отстать от жизни, вот и приходится приспосабливаться, что ж делать? Старые мы для нее, и понятия у нас тоже старые...

– Что значит – старые? Если мы старые, то уже и не родители, что ли?

– Да нет, я не про то, Володь... Ну, понимаешь... Это вроде как нормально, что сразу не женятся. Сначала надо пожить вместе, вроде как порепетировать, что ли...

– Вроде как, вроде как! Заладила одно и то же! Вот именно – вроде как! А если б я в свое время так? Хочу – женюсь, хочу – нет? Прости, мол, милка дорогая, это я так, просто репетирую? Да уж, посмотрел бы я тогда, какие ты песни запела!

– Володь, но ведь и впрямь – время другое было...

– Да при чем тут время! Для мужицкой совести времена всегда должны быть одинаковые! Нравится тебе баба – женись, а потом пользуйся на здоровье! А разонравилась – разводись, никто в партком не пойдет и за причиндалы держать не будет!

– Пап... Ты вообще-то выбирай выражения... – вяло огрызнулась Нина. Так вяло, что прозвучало скорее жалобой, чем сопротивлением. Да и что было проку в том сопротивлении? Легче головой о каменную стену биться...

– Выражения мои, значит, не нравятся? А то, что тебя очень удобно используют, нравится? – сделал отец особо выпуклый акцент на слове «используют». – А нам с матерью каково, ты подумала? Пришел хлыщ, увел дочь из дому, приспособил к себе бесплатной прачкой, кухаркой да полюбовницей в придачу... Думаешь, нам не обидно?

Она усмехнулась грустно – надо же, какое слово доисторическое выкопал – полюбовница! Тем паче – прачка с кухаркой! Смешно. И впрямь, надо бы как-то всю ситуацию в шутку перевести, иначе совсем выйдет из-под контроля. Ей-то ничего – ушла из дома и забыла, а папа потом похмельем от своего же гневливого выплеска страдать начнет. Такой уж характер... Добрый, но по-хамски взрывной, ужасно несдержанный.

– М-м-м... Понятно, пап... – произнесла с нарочитой легкой смешливостью, даже с перебором смешливости, стараясь не допустить в голосе ни грамма издевки. Даже хохотнула коротко, совсем уж кося под дурочку. – Значит, ты считаешь, пап, обидно быть бесплатной, да? Может, мне тогда с Никиты вместо штампа в паспорте деньги брать? А что? Это мысль, между прочим. Не хочешь жениться – плати.

– Ты чего городишь-то, Нинка? – немного опешив, сердито пробурчал отец. – Совсем рехнулась, что ли? Да разве я об этом толкую?

– Именно о том, пап! Сам же говоришь о бесплатности! По-твоему выходит, только штамп в паспорте дает мужчине право на бесплатность обихода, так? Без штампа ты кухарка и прачка, а со штампом – фея, одаривающая привилегиями обихода? О, волшебная магия чернильных буковок в красной книжице, – воздела она руки к потолку, – сделай же из меня наконец фею!

– Дура. Вот же дура ты, Нинка. Чего развеселилась-то? Веселишься, умными словами вон, как в театре, чешешь, а у самой глаза грустные!

– Ладно, пап, давай закроем тему. Это моя жизнь, я сама в ней разберусь.

– Ну да, ну да... Больше тебе и ответить нечего. Эх ты, дочь... Растили тебя, лелеяли, дыхнуть боялись... Теперь вот принимаем с матерью позор на старости лет. Ни свадьбы, чтоб как у людей, ни внуков... Эх, да что там!..

Отец махнул рукой, начал тяжело разворачиваться отекившим гипертоническим туловом. В свете лампы из коридора блеснула седина щетины на небритой дряблой щеке.

– Володь... Да ты чего говоришь-то, какой такой позор-то? – снова быстро и жалобно запричитала мама, ополаскивая под краном чайные чашки и вытягивая голову в сторону кухонного проема. – Позор, главное... Скажешь тоже, не подумав. А Ниночка потом переживать будет! Да говорю ж тебе, они сейчас все так живут! Встретились, полюбили, квартиру сняли и живут! Нет, а чего плохого-то? Да и что делать, если нынче мода такая?

– Да послать бы вас всех с этой модой куда подальше! – обернувшись, пробурчал отец через плечо. – Скоро уж и хоронить по моде начнете... Не в гробу, а в картонных коробках с бантиками! Может, и до кладбища не довезете, коль тоже из моды выйдет. Все у вас легко. Никакого уважения к человеческим правилам.

Ушел. Вскоре из комнаты забормотал телевизор программой «Время» под аккомпанемент сердито-сиплого отцовского дыхания. Подумалось: наверное, отец и на программу «Время» тоже сердится. Даже наверняка – сердится. А хотя, может, и нет. Особенно на фоне последних событий, когда обалдевшие от кризиса офшорные островитяне покушаются у наших родненьких олигархов часть накоплений оттяпать... Эта весть его, безусловно,

должна злорадно обрадовать! Так им, проклятым олигархам, и надо! Сколько веревочке ни виться! Давайте, островитяне, сделайте то, чего мы, бывшие честные труженики, сделать уже не в состоянии!

Ага, вон даже звук у телевизора прибавил... Пошло дело. Бойтесь, олигархи, гнева-злорадства бывшего слесаря-инструментальщика со второго турбомоторного, комсомольца и коммуниста в третьем поколении таких же слесарей-инструментальщиков, комсомольцев и коммунистов! Ужо вам!

– Ты не обижайся на отца-то, Нин... – тихо, будто извиняясь, проговорила мама, бочком присаживаясь за стол.

– А я и не обижаюсь.

– Да как же, не обижаешься! Думаешь, по лицу не видно? Сидишь, будто насмеяешься... А зря насмеяешься-то, дочка. Он же по-своему все переживает, знаешь ведь, какой он у нас борец негибаемый.

Она хотела было возразить – достали, мол, с этой негибамостью, – но промолчала. Мельком глянула на часы – ого, девять! Никита наверняка дома, а у нее ужина нет. И рубашки в ванной в тазу замочены... И вдруг хмыкнула про себя, вспомнив отцовское презрительное – эх ты, прачка-кухарка... Да, выходит, так оно и есть. Прачка и кухарка. И все это, можно сказать, на добровольно общественных началах. И «полюбовница» тоже. Правда, смешно. И грустно...

– Я пойду, мам. Спасибо за чай.

– Да погоди, чего сразу пойду-то? И часа в родном доме не пробыла... Все-таки обиделась на отца, да?

– Ничего я не обиделась! Мне и в самом деле пора.

– Ну, Нин... Посиди еще немного, чего ты, как неродная... Вот дожили до жизни – дочку раз в неделю на полчаса отпускают... А сам-то твой, этот... Никита твой... Что, не может вместе с тобой в гости зайти? Посидели бы, я бы пирог с палтусом завернула. И отец бы уважение почувствовал, меньше бы психовал. Брезгует нами, да? Не ровня мы ему?

– Нет, мам, ну что ты... Не в этом дело.

Сказала – и опустила глаза, испугавшись. Потому как резануло внутри – в этом, в этом! Именно в этом дело, ты в точку попала, мам! Потому и повторила испуганно:

– Нет, не в этом дело. Просто у него сейчас катастрофически времени не хватает.

– А чем он таким шибко занят? Вроде не работает нигде.

– Он учится, мам, в серьезном институте. Даже не в институте, а в академии.

– Да? И на кого ж он учится, больно интересно знать?

– Ну... Как бы тебе объяснить... Там к государственной службе чиновников готовят. Нет, правда, у них там все очень серьезно, мам. И строго. Лекции с утра и до вечера, потом курсовые всякие, а в следующем году защита диплома...

– Ну ладно, коли так. А может, и хорошо, что он к нам не приходит. Не дай бог, отец брякнет при нем чего некультурное! Да и я со своими пирогами... Что он, пирогов с палтусом не едал? Мы ж люди простые, Ниночка, куда нам со свиным рылом в калашный ряд... Случится у тебя с этим Никитой счастье – и мы с отцом счастливы будем! И в сторонке постоим, если что!

– Да уж... Папа, кажется, постоит в сторонке... Думаешь, легко мне каждый раз на оскорбления нарываться?

– А ты за оскорбление-то его слова не принимай, Ниночка! Он же человек такой, работа, не умеет он, чтобы со всякими там подходцами... Как говорится, что на уме, то и на языке!

– М-м-м... Хочешь сказать, простота хуже воровства?

– Ой, да как тебе не стыдно так об отце-то! Язык прикуси, бессовестная!

– А ему не стыдно меня каждый раз оскорблять?

– Так он же любя, Нин... Он тебя очень любит, оттого и переживает сильно! Обидно ему за тебя, понимаешь?

– Да, мам... Я понимаю. Конечно же. Но это всего лишь его личное восприятие действительности, я тут при чем? У меня к моей жизни претензий нет. Меня все на сегодняшний день устраивает. Абсолютно все.

– Ой ли?

Как плетью стегнуло это мамино «ой ли» – обидное, хлесткое. И хитрованский взгляд полоснул по лицу, и губы мама сжала специфически – скобкой догадливого сомнения. Да, очень выразительно получилось. Выпукло. Вот, мол, смотри на меня, дочка, видишь, какая я сильно задумчивая и сомневающаяся в твоих словах! Давай, подпрыгивай на стуле, доказывай мне обратное! Видишь, я жду...

А не дождешься. Не буду я тебе ничего доказывать. Потому что не должна ничего доказывать. Ни-че-го. Никому. Потому что и сама в себе еще толком не разобралась. И в своих отношениях с Никитой тоже. И вообще – хватит из меня веревки вить... Что свили, то свили, спасибо и на этом. Все детство старательно внушали – должна, должна! Что придумают вдвоем с отцом, то и должна! Хватит...

– Ну, все, хватит, мам... Пошла я.

Нина решительно уперлась кулаками в столешницу, приподнялась на стуле, но мать вдруг опустила на плечо ладонь и будто пригвоздила обратно. И произнесла решительно:

– Глянь-ка мне в глаза, Нинка...

– Ну что, мам, что?

– Давай перед матерью как на духу... Сама-то хоть понимаешь, как свои годы дальше жить? Я вот за тебя перед отцом заступаюсь, а сама все думаю, думаю... А ну, коль он и впрямь не женится?

– Да что вы заладили – женится, не женится! Ладно, отец, а ты-то, мам? Чего вы лезете в мою жизнь?

– А куда нам еще лезть-то, дочка? В чужую, что ли? Мы ж твои родители... Слушай, а может, тебе поговорить с Никитой? Так, мол, и так, замуж хочу... Или это... Как бы забеременеть невзначай? А что? Давай, я тебя научу по-женски, подскажу...

Все, подумала Нина, терпение, кажется, лопнуло. В голове забухало, зазвенело негодованием. Пришла, называется, родителей навестить! Получила массу положительных эмоций! Уже и в постель норовят залезть! Надо же – научу-подскажу, как забеременеть! Чудеса пролетарской камасутры поведать собралась! Как же противна эта бесцеремонность! Да, любят они, да, беспокоятся по-своему, но все равно – противно!

– Послушай, мама... Если ты еще раз... – Она закрыла глаза и сглотнула ком в горле. Сдерживая раздражение, произнесла спокойно, но с жесткой нотой в голосе:

– Если ты еще раз затронешь эту тему, я вообще больше к вам не приду! Никогда! Слышишь? Дорогу к вам забуду! И отцу можешь так и передать! Если он еще раз...

– Что ты, Ниночка, что ты! Бог с тобой, доча, что ты говоришь? Да что я такого сказала-то, господи?!

Мать тихо всхлипнула, зажав рот ладонью, глянула на нее сквозь набухающую слезную пелену. Моргнула, и слезы тут же брызнули из глаз. Сразу весь гнев Нины ушел в стыд.

– Мам, мам... Ну ладно, все, ну не надо... Не плачь, я ж не хотела... – залепетала она виновато, оглаживая мать по бугристо-целлюлитному предплечью. – Ну извини, мам...

– Да как у тебя язык-то повернулся, Ниночка... Да как же я отцу могла бы такое сказать? Что ж ты, дочка... Да его бы сразу кондратий хватил... Он же так тебя любит! Что у нас с отцом еще есть-то?

– Мам, да я все понимаю! Но и ты меня тоже пойми! Нельзя же так, мам...

– Ну да, ну да... А как можно-то, доча? Ты ведь у нас одна, как свет в окошке... Позднее дитя, божий подарочек... Мы ведь уж и не надеялись, я помню! Когда принесли тебя из роддома, отец с рук не спускал, дышать боялся... Он уж, почитай, в возрасте мужик-то был, почти под пятьдесят...

Мама слезно вздохнула, отерла дрожащими ладонями полные щеки, снова заговорила торопливо:

– Знаешь, как нам тогда трудно было? Ой-ой, если вспомнить... Это ж девяностый год был, вокруг черт-те что творилось! Прилавки в магазинах пустые, зарплату не дают, хоть головой об стенку бейся! А мне есть что-то надо, иначе молоко пропадет... Тоже ведь не молоденькой тебя родила, сорокалетней бабой! Отец, помню, то рычал от безнадеги, то плакал. С кулаками на директора завода, помню, накинулся, когда тот обещал зарплату выдать, но слова не сдержал! Да что – директор!.. Его потом и самого – под зад коленом... Так и жили – кое-как перебивались. А дальше еще круче пошло. Помню, тебе лет пять было, когда завод олигархи-бандиты отбирали... Этот был, как его... Рейдерский захват. А папа, представляешь, под пули полез... Думал, родное предприятие защищает. Пролетарий, мать твою... Обо мне не подумал, как я одна тебя поднимать стану...

– Да? Ты мне об этом никогда не рассказывала, мам...

– Да зачем тебе знать-то? Это уж наши дела. Задело его тогда бандитской пулей-то, в больницу свезли. А он оттуда сбежал. Пришел ночью домой – герой раненый... Долго около твоей кровати стоял, все пришепывал – прости, мол, доча, не знаю, как тебе счастливое детство обеспечить... Не будет у тебя детства-то... Сломался он тогда, Нинок, как есть сломался. Всю жизнь на заводе в честных передовиках проходил, и партии честно служил, и верил... Понимаешь, верил! Таких-то честных тружеников, как твой отец, и тогда было – раз-два и обчелся... С тех пор, считай, никак успокоиться не может. Не смог в новую жизнь встроиться, все прежними правилами живет... Все у него только черное да белое, других цветов не признает. Оттого и злится, если вдруг что не по правилам да не по чести... Оттого и состарился раньше времени. А сейчас ему тем более не перестроиться – семьдесят второй годок пошел, под самую дыхалку подперло. Ты уж не сердись на него, Ниночка. Какой есть, что же делать.

– Да я не сержусь, мам! Просто... Он же должен понять... У меня своя жизнь...

– Своя-то своя, кто ж спорит. Но и родителей с руки, как варежку, не стряхнешь! Родителям тоже радости дать надо. Отец вон внуков страсть как хочет... И нам надо чем-то жить, Нин! Думаешь, велика отцу радость в сторожах ночных сидеть? А так бы дома сидел, внуками занимался. Все бы заделье! Плохо в старости без заделья-то, Нин. Тоска, смысла нет. Ой, тоска! – Укор в голосе матери усиливался, захватывал собой маленькое пространство кухни. В тоне появились жесткие обвинительные нотки: – Как ни крути, а отец-то прав, Нин! Растили тебя, растили, всю душу вкладывали! И к морю на последние деньги отправляли, и наряды покупали, во всем себе отказывали! И образование опять же... Не институт, конечно, но техникум – тоже хорошо... Мы ведь почему тебя на техникум-то настропалили? Думали, вдруг не успеем в институтах выучить, помрем раньше времени. А еще думали, красавица ты у нас, в институте сразу замуж выскочишь, опять же закончить не успеешь. А в техникуме после десятилетки – всего два с половиной года... Кто ж знал-то, что ты вообще замуж не заторопишься? А мы с отцом такие надежды возлагали. Вот тебе и надежды – все прахом пошли. Ни у тебя семьи, ни у нас внуков. Бабья молодость-то быстро проходит, Нин, не успеешь и оглянуться! От двадцати до тридцати – и ветер в ушах просвистеть не успеет. И все, и ушло золотое бабье времечко, назад не воротишь. А ты говоришь...

Мама вздохнула, осела на стуле квашней, провела ладонью по столешнице. Бедная, бедная мама... Как на нее обижаться-то? Ведь это предъявление векселей – вовсе не злое... От простоты мыслей идет, от безысходности. Подумалось вдруг – и впрямь дети должны

отвечать за возрастную родительскую неприкаянность... То есть хочешь не хочешь, а «заделем» в старости обеспечить. Неужели у всех так?

Хотя у Никиты, например, такой проблемы с родителями точно нет. Объявил матери с отцом, что уходит в самостоятельное плавание, они только улыбнулись иронически. Но, может, за этой иронией тоже скрывалось это пресловутое «заделье»? Квартиру-то съемную они сыну оплачивают. Откуда у студента деньги...

Да, наверное, и впрямь страшно им жить без «заделя». Не зря мать при своей гипертонии уборщицей в школу устроилась, говорит, деньги не лишние... Да какие там деньги, господи? Копейки... Просто без «заделя» боится остаться. Хм... Грустное какое слово. Не дело, а именно заделье. Себя занять, обмануть то есть. Хотя, опять же, к примеру, Никитина мама, Лариса Борисовна, вообще не работает, дома сидит. Но у нее как-то по-другому все происходит. Без мук. Такое впечатление, что она всегда чем-то важным занята. Кофе пьет – занята, книгу читает – занята, даже когда просто в окно смотрит, кажется, что важным делом занята. Причем таким важным, что чувствуешь себя рядом с ней абсолютной бездельницей...

Наверное, тут в чем-то другом собака зарыта. В социальном статусе, наверное. В присутствии интеллекта. Каждому свое... Значит, Никите нет необходимости обслуживать родительскую неприкаянность в старости, а ей от этого никуда не уйти. Мама-то права – не стряхнешь с руки, как варешку...

– Ладно, я поговорю с Никитой, мам... – выдохнула Нина грустно. – Обещаю...

– Конечно... Конечно, поговори, Ниночка! – тут же оживилась мать, придвинувшись к ней рыхлой грудью. – Не стесняйся, поговори! Нынешние мужики, они ж все такие! Пока его в нужную мысль носом не ткнешь, как кутенка, сам не додумается! А мы с отцом насчет твоего Никиты вовсе не возражаем... А что, парень непьющий, из хорошей семьи, опять же при образовании будет... Свадьбу закатым, платье белое тебе пошьем! Пышное, с кружевами! Да из тебя такая невеста будет, любо-дорого посмотреть, ты ж у нас красавица, беленькая да ладненькая, как яичко! Только худа больно, раньше-то поплотнее была... Иль это он хочет, чтоб ты худой была?

Ну все, понеслось... Зря, наверное, наобещала. Уже и про свадьбу речь пошла...

– Нин... А можно, я отцу скажу?

– Что скажешь?

– Ну, так про свадьбу.

– Мам, я же сказала – поговорю! Всего лишь поговорю. Ну чего ты вперед паровоза побежала?

– А... Ну, ладно...

Мать испуганно махнула рукой, потом устало провела ладонью по лицу и улыбнулась. Побежали от глаз морщинки «гусиные лапки», мелькнула во рту дырка от недавно вырванного зуба. Подумалось вдруг – как же быстро она состарилась. И раньше-то не особо за собой следила, а теперь... Совсем жалкая стала. Волосы хоть и крашенные, но цвет непонятный, будто припыленный, и темные круги под глазами, и кожа на лице напоминает сырую картофелину на срезе. А ей ведь всего – чуть за шестьдесят... Сейчас посмотришь, некоторые тетki и к семидесяти выглядят как огурчики.

– Мам... Давай я тебе хороший крем куплю, хочешь? И к стоматологу сходи. Когда улыбаешься, дырку во рту видно.

– Ой, да подумаешь, дырка! Перед кем мне красоваться-то? Отец меня и такую любит.

– А ты не для отца, для себя...

– Да ну тебя, Нин! Не понимаю я этих новомодных разговоров. Для себя, не для себя. Раньше нас по-другому жить-то учили! Вот скажи-ка я раньше – для себя, мол, чего-то хочу!

Вмиг бы все осудили! Нет уж, доченька, не переделаться нам с отцом, уж такими, какие есть, и порем! Мы ж эти... Как их... Слово такое трудное... Неандертальцы, во как!

– Мам... Вообще-то это слово используют, когда обидеть хотят.

– Да? А я ж не знала... Мы с отцом не шибко грамотные, институтов не заканчивали, всю жизнь на производстве вкалывали, когда было в словах-то разбираться? Зато, вон, тебя вырастили, умную такую...

Испугавшись, что мать снова вырулит на прежнюю тему, Нина озабоченно глянула на часы, засобиравлась:

– Пойду я! Поздно уже! Пока до дому доберусь...

– Ишь ты, до дому! Какой там у тебя дом – квартира съемная. Ладно, иди, иди. Твой-то, поди, уж заждался. Мог бы и приехать, колеса бы не отвалились.

– Мы договаривались, что я сама приеду.

– А ты возьми да позвони! Скажи, мол, поздно уже...

– М-а-а-м...

– Ладно, молчу. Делай, как знаешь, тебе виднее. Но про свадьбу поговори, обещала!

– Да, я помню.

– погоди, я тебе с собой холодца положу... И оладьев...

– Не надо ничего, мам! Ну, пожалуйста!

– А что, твой Никита не любит? Оно, конечно, закуска неблагородная... Куда ты сразу в прихожую? Зайди к отцу-то, попрощайся по-человечески! Толком и не опнулась, а побежала уже!

Нина шагнула к проему гостиной, развела руками гремучие стеклянные висюльки. Господи, когда они их уберут? Наверное, никогда. И ремонт в квартире уже никогда не сделают. И мебель не поменяют. Так и будут жить в этом штампованном интерьере восьмидесятых – с коврами на стенах, с переливчатым сервизом в стенке, с увеличенной фотографией в рамочке на стене, где оба еще молодые, с комсомольскими задорными взглядами, голова к голове. Мама со смешной прической, с брошкой на отложном воротничке цветастого платья, отец в белой рубашке пузырем. Хорошие ребята, правильные. Только жизнь почему-то неправильной стороной для них обернулась. Наверное, сами виноваты...

– Слышь, Нинк, чего наш президент удумал! – неожиданно весело проговорил отец, ткнув пальцем в телевизор. – Нормы ГТО возрождать будут! Вот это правильно, вот это молодца, уважаю! Сообразил наконец.

– Пап, я ухожу. До свидания.

– Ага, бывай. Когда еще зайдешь-то?

– Не знаю. Может, через неделю.

– Деньжат подкинуть? У нас третьего дня пенсия была.

– Нет, не надо. Спасибо.

– Ну, как знаешь...

Мама все-таки сунула ей банку с холодцом в сумку. За этим занятием Нина ее и застала, когда вышла в прихожую. Но спорить уже не стала. Молча натянула куртку, обмотала вокруг шеи шарф.

– А чего ты без шапки-то, Нин? – подняла недовольно брови мать.

– Так весна на улице.

– Да какая весна, середина марта! Холодно же еще! Пришел марток, надевай сто порток!

– Ладно, пока...

Нина улыбнулась, чмокнула мать в щеку, открыла дверь, быстро засемила вниз по лестнице.

– Капюшон хоть на голову накинь! Весна, едрит твою... – услышала она напоследок голос матери.

* * *

На улице и впрямь было холодно. Мать-то права оказалась. Ударивший к вечеру морозец замуровал снежную кашу в мелкие ледяные колдобины – обычный мартовский сюрприз. Самый противный месяц года – март... Подлое, обманчивое время. Одарит дневным солнышком, душа доверчиво распахнется – о весна красна! – а ближе к ночи – нате вам! Получите! Ишь чего захотели, весну... Только «едрит твою» и вспомнишь.

Нина кое-как доплелась до автобусной остановки, спина взмокла от напряжения – не так страшно плюхнуться в это безобразие, как страшно каблук сломать. Сапоги-то дорогие, причем единственные. Жалко.

Автобуса, конечно, долго не было. Вместе с ожиданием росла в душе досада на Никиту – и впрямь ведь, мог бы и приехать за ней к родителям! Мать права – колеса бы не отвалились... А с другой стороны – сама виновата. Гордынюшке-матушке спасибо скажи. Все ждешь, что Никита сам о тебе заботу проявит, сам, сам додумается... Не жди, не додумается. Потому что он – эгоист. Причем абсолютно искренний эгоист, обаятельно-беззаботный. Начни его укорять в эгоизме – распахнет глаза и будет смотреть удивленно, не понимая, о чем речь. Ты же, мол, меня не просила.

Ну ладно, не додумался. Бог с ним. Но позвонить-то мог! Спросить хотя бы – где ты, Ниночка, что да как... Обыкновенную заинтересованность проявить, по простой и доступной схеме: как дела – все хорошо – целую. Обозначиться присутствием в жизни. А она бы ответила – на остановке стою уже двадцать минут, спина мокрая, замерзаю, как цуцик... Нет ведь, не позвонит. Потому что мысленную установку получил – она у родителей. Что ж, и она тоже звонить не будет. Ни за что. Раз так...

О, наконец-то автобус. О счастье, и свободные места есть! Ехать долго, через весь город, считай. Жаль, книжку с собой не взяла... Ничего, можно просто в окно посмотреть. Расслабиться, поплыть рассеянным взглядом по неоновому сверкающим красно-сине-фиолетовым всплескам... Если прищуриться, то эти всплески тянутся одной линией – названия магазинов, реклама, свет фонарей... Красиво. Нарядные сумерки. Только на остановках блистающая линия дает сбой. Видно в окно натуральную картинку. Видно, как город брезгливо съезживается в остатках грязного снега, а сумерки кажутся вовсе не нарядными, а холодными и туманно-волглыми.

И все-таки – весна! Еще немного, и островки грязного снега растают, и грянет апрель с ярким солнцем, с первой травой на газонах, с редкими пупырышками желтых одуванчиков! Новая весна – новая жизнь...

Нина с детства любила весну. Не само по себе состояние разбуженной природы, а заложенное в этом состоянии ожидание лета. И все эти действия весенние любила – подготовку к лету. Когда мать в субботнее утро с шумом открыла законопаченные на зиму оконные створки, и комната наполнилась ветром и звуками апреля – гомоном обалдевших воробьев, криками дворовой ребятни, тоже обалдевшей от весенней ярости солнца. И – начинался обиход... Сначала мать намывала стекла дурно пахнущей нашатырем водой, потом натирала с двух сторон скомканными газетными лоскутами до состояния прозрачности. Яростно так натирала, сжимая от усилия губы и раздувая ноздри...

Потом меняла зимние шторы на летние. Мать их смешно называла – бумазейные. А зимние, тяжело и нарядно жаккардовые, подвергались бережной стирке и убирались в шкаф, на полки с «богатством», как насмешливо отзывался о маминых запасах «богатства» отец. Были там и льняные скатерти, которые никогда не использовались, и яркие махровые китай-

ские полотенца, и комплекты постельного белья, тоже почему-то девственно сохраняемые. Так мать хотела. Говорила – это, мол, Ниночкино приданое. А отец сердился на такое мещанство, но не очень. Просто хмурился недовольно. Но материн апрельский переполох в доме уважал! И даже помогал, как умел. Например, выносил во двор ковры, колотил по ним палкой, выбивая столбы пыли. Мать только вздыхала, глядя на него из окна. А соседка, тетя Ляля, говорила, недобро усмехаясь, – это он так ностальгирует, мол... По привычке весеннюю генеральную уборку с Первوماем ассоциирует. Раньше-то, мол, к Первوماю, как к Пасхе, люди готовились.

Да, тогда их квартира считалась коммунальной, вторую комнату занимали соседи – тетя Ляля и дядя Петя Михеевы. Лялечка с Петечкой, как они сами себя называли. Отец их терпеть не мог. Называл почему-то спекулянтами. А мать терпеливо объясняла: это раньше, Ниночка, всех подлых торгашей так называли, которые пользовались временными трудностями по недостатку некоторых товаров и продавали их из-под полы, и за это их могли строго наказать, даже в тюрьму посадить. А теперь времена другие, Ниночка, теперь все можно, потому эти «подлые» и вылезли из всех щелей на солнышко. А папе это очень не нравится, понимаешь, Ниночка? Потому что это несправедливо, это нетрудовой доход, как говорит папа. У станка не стоять, до седьмого пота не вкалывать... Понимаешь?

Нина не понимала. Ну, подумаешь, торгует дядя Петя Михеев джинсами и курточками на стихийном рынке, что расположился на площади у кинотеатра, и пусть себе! Тоже ведь не большая радость – весь день торговать. Таскать на плечах эти огромные клетчатые баулы. Тем более про дядю Петю Михеева язык не поворачивался сказать – подлый. Наоборот, он был добрым. Шла от него какая-то особенная веселая сила, и тетя Ляля смотрела на него тоже всегда весело. И улыбалась, и в щеку нежно целовала, когда он по утрам на свои «подлости» уходил. Мать, например, папу никогда не целовала. И духами от нее, как от тети Ляли, не пахло. А пахло хозяйственным мылом и щами с кислой капустой.

Да что там – запахи... Это вообще были разные миры – их комната в сравнении с комнатой тети Ляли и дяди Пети. В их комнате почему-то всегда было мрачно, а в соседской – светло, хоть и выходили окнами на одну сторону. Может, потому, что в соседской комнате всегда музыка играла? И не какая-нибудь развеселая про «три кусочка колбаски», а та самая, которую хочется слушать, замерев и оробев у дверей...

– Ну, чего замерла, Ниночка? Тебе «Роллинг Стоунз» нравится, да? Или больше «Пинг Флойд»? – улыбалась из дверей приветливая тетя Ляля. – Заходи, не стесняйся! Мне тоже «Пинг Флойд» больше нравится. Это хорошо, что ты хорошую музыку чувствуешь. Не все потеряно, значит.

Она не понимала, что это значит – не все потеряно. Да, музыка была действительно хорошая, завораживала ее детскую душу. Притягивала к себе. Нина заходила, садилась тихо на диван, слушала. И в то же время сторожила чутко, не хлопнет ли входная дверь – вдруг мать или отец вернутся...

– Нин, а ты книжки какие-нибудь читаешь?

– Нет, тетя Ляль. Я же маленькая еще. Осенью только во второй класс пойду!

– Ничего себе, маленькая! Да я в твоём возрасте уже всю «Анну Каренину» шуровала! Правда, не понимала ничего, но все равно. Интерес-то был! Неужели тебе читать неинтересно?

– Я не знаю, тетя Ляль. Мама с папой книжки не покупают. Говорят, от них пыль в комнате.

– Да знаю я про твоих маму с папой. Маме для чтения журнала «Работница» вполне достаточно, а папе... О папе – вообще помолчу. Просто мне тебя жалко, Нин. Ты что, и впрямь в свои семь лет ни одной книжки не прочла?

– Нет...

– А дома что, вообще-вообще никакого чтива нет?

– Нет... Папа раньше газеты читал, а теперь забросил. Говорит, в них неправду пишут. А мама – да, мама журнал «Работница» иногда читает. И еще журнал «Крестьянка».

– Что ж, понятно... Куда ж «Работница» без «Крестьянки»-то... – сокрушенно вздыхала тетя Ляля, выискивая что-то на полке с книгами. – Что же тебе дать почитать, прямо не знаю! Из детского ничего нет, не буду же я «Тома Сойера» в доме держать. – И, обернувшись, переспрашивала резко: – Что, и Бичер Стоу не читала?

– Нет... А кто это?

– «Хижина дяди Тома»!

– Нет, не знаю...

– Ну, ты даешь! Знаешь, не хочу говорить плохо о твоих родителях, конечно... Но так же нельзя, ей-богу! Придется тебе как-то создавать собственный фон жизни, девочка. Иначе погибнешь. Понимаешь ты это или нет?

– То есть я умру, что ли?

– Нет, нет. Не физически, духовно погибнешь! И сама не заметишь, как это произойдет. Вырастешь, выдадут тебя замуж за слесаря-идиота. А впрочем, о чем я? Какое мне дело. Да и книжек подходящих у меня для твоего возраста нет. Ну, разве вот эта... Возьми, попробуй почитать. Это сейчас очень модная французская писательница – Франсуаза Саган. Все поголовно читают. Там про любовь, конечно, но... Ничего страшного. Возьми. Может, осилишь. А не осилишь, так хоть на зуб попробуешь. Только родителям не показывай, они поймут неправильно. То есть от своей печки поймут, не дай бог...

Может, и зря тогда тетя Ляля дала ей Франсуазу Саган. Оставила один на один с потрясением. Да, это было потрясение, расколовшее ее детский мирок надвое! Страница за страницей, книжка за книжкой, трещина расплзалась все больше и больше... Так и пошло – Нина читала и другие книги, конечно, но Франсуаза Саган все равно оставалась любимой. Ужас был в том, что она поверила в мир, созданный писательницей. Раскрыла объятия, приняла в себя с нежностью. И он, этот мир, с благодарностью устроился внутри ее. Он стал ее миром – чувственным, нежным, необъяснимо притягательным. А главное – тайным! Не приведи господь, мама с папой увидят! Скандал поднимут – малолетняя дочь про секс читает! Секса же в стране еще не было! Хотя – уж какой там секс, подумаешь... Многого она, конечно, в силу возраста не понимала, да и не пыталась понять. Не понимание как такое было важно, а сам процесс чтения, похожий на нежное плавание в теплых волнах. И эти имена, звучащие музыкой на языке... Сесиль, Сирил, Натали! Ах, черт возьми, какая романтика! Впрочем, она тогда этого слова не знала. Зато книжку зачитала до дыр. И попросила у тети Ляли другую. А потом еще, еще... Годы шли, можно было выходить вместе с Франсуазой Саган из «подполья», а выходить не хотелось. Куда выходить-то? В жизненную грубость и пошлость? Нет, так интереснее было – нести в себе себя, немного другую...

Да, странные они были, тетя Ляля с дядей Петей. Папа на них нападал все время, а они снисходительно помалкивали. А дядя Петя однажды ей просто так джинсы-варенки подарил. Держи, говорит, Нинуха, это неликвид, там одной клепки на кармане не хватает... О, это было счастье, необыкновенное, неземное! Мама всплеснула руками, зыркнула глазами на дверь, боясь, что папа увидит... Потом они его обманули, что джинсы, мол, сами пошили. По выкройке из популярного журнала «Бурда». Папа нахмурился, оглядывая ее обтянутую джинсой девчачью попку, проговорил сердито – бурда и есть бурда... А потом маму отругал, Нина слышала. Нечего, сказал, девчонку на такой путь сбивать, если она девчонка, так пусть юбки носит! А то – джинсы... Как у этих спекулянтов...

Когда дядя Петя открыл на их улице свой магазинчик, в квартире поселилась открытая ненависть. Магазинчик назывался «комок», и это слово, часто произносимое на общей кухне, вызывало у папы приступ тихого раздражения. Особенно его раздражала тетя Ляля,

меняющая новые наряды чуть ли не ежечасно. То платье на ней с большим белым воротником, то брюки шелковые, то рубашка с огурцами-загогулинами! И бусы, и заколки в волосах, и серьги – матовые шары... Они вдвоем с мамой только рты раскрывали и тихо стонали в изнеможении. А папа сердился. Наконец маме было строго-настрого заказано даже смотреть в сторону тети Ляли и со спекулянткой не разговаривать, чтоб та не возомнила о себе лишнего.

А тетя Ляля и не мнила. Ей вообще было все равно. Ждала себе мужа после трудового дня, жарила курицу на сковородке. Мама только вздыхала – надо же, целую курицу. Из нее же пять супов можно сварить.

Запах от тети-Лялиной сковородки шел плотный, нагло-сытный, заполнял собой всю квартиру. Никакого супа с кислой капустой на жидком курином бульоне уже не хотелось. И холодца не хотелось. И пирогов. И сердиться на тетю Лялю, как папа, тем более не хотелось. Чего на нее сердиться-то? Она ж такая веселая, глаза ясные, улыбочивые. А у мамы глаза, наоборот, всегда тусклые и несчастные. А еще – руки... Какие у них были разные руки, у тети Ляли и у мамы!

Да что там – руки. Все было у них разное. А однажды Нина увидела, как дядя Петя тети-Лялину руку поцеловал. Просто так, ни с того ни с сего. Проходил мимо, обнял за талию, приложил ее ладошку к губам. Нина тогда подумала с надеждой: вот бы и папа так же мамину руку поцеловал!.. Она даже сказала ему об этом, дуручка. У мамы, мол, руки такие некрасивые, ты их поцелуй, ей приятно будет. А папа опять рассердился: еще чего, мол, выбрось эти глупости из головы! Твоя мать такими руками гордиться должна! Потому что они у нее честные рабочие руки, такие, какие надо руки, и ни в каких поцелуях не нуждаются! И ты своей матерью гордиться должна!

Да, наверное, она должна была. Но что делать – среда обитания оказывает влияние на жизнь, формирует взгляды. Никуда от этого не денешься. Глядя на жизнь мамы и тети Ляли, Нина поневоле делала для себя выбор. И подсознательно – какое там еще у девчонки сознание! – строила себе мосты в этот выбор. Что-то шевелилось внутри, протест какой-то. Протест против тусклых маминых глаз, против «гордости» за мамины руки, против отцовской ненависти к ухоженному и обаятельному дяде Пете...

Может, именно из этого протеста и выросло в ней некое чистоплюйство в отношении к собственной плоти. А может, романтические герои Франсуазы Саган сделали свое черное дело. Надо было как-то определяться в предложенных жизненных обстоятельствах – совсем не романтических... Надо было идти на компромисс. А как же иначе? В школьной тусовке ее бы с романтизмом точно не поняли. Отвергли бы, назвали «чучелом». И потому – хочешь не хочешь, а в девчачьих пересудах ей приходилось участвовать, особенно в старших классах. Ох уж эти пересуды-обсуждения! Из них напрямую вытекало, что у каждой уважающей себя девчонки непременно должно случиться «это самое», и чем раньше, тем лучше. Как статус успешности в школьной тусовке. А иначе – никак. Надо, и все тут. Пришлось искать выход – придумывать себе легенду в образе соседа-студента, с которым якобы «это самое» благополучно и свершилось. Даже пришлось прилепить к легенде некоторые подробности. Было, между прочим, в этих подробностях и целование рук – походя, мимоходом... Прихожу, мол, к нему – руки целует, ухожу – руки целует... Во дурак, да? Девчонки ржали, но верили. А зря верили. Так и получилось, что пронесла она свою девственность через школьные годы, через строительный колледж, куда поступила-таки по настоянию папы и мамы, и вручила Никите подарком... Хотя – почему вручила? И мысли об этом не было – вручить, тем более получить за такой подарок дивиденды. Как-то само собой все произошло. В тот миг и не думалось... Потому что влюбилась, с первого взгляда, бесповоротно. Наверное, навсегда...

А соседи потом засобирались уезжать, как дядя Петя говорил – за бугор сваливать. Вроде того – родственники в Америке отыскиались, зовут... Хотя папа уверенно рубил воздух

ладонью – врет, все врет, откуда у советского человека родственники в Америке? Наворовал, а теперь еще и родину продать хочет! Или от бандюганов сбегает, с которыми барышом не поделился! Все, все они одним миром мазаны!

И очень обозлился, когда дядя Петя мирно предложил ему комнату выкупить. Набычился, побагровел лицом:

– Я?! Я – выкупить? Это с каких хренов, интересно, ты мне такое, честному рабочему человеку, предлагать смеешь? Да я всю жизнь на государство пахал, я эту вашу комнату давно заработал, мне она и без того положена!

– О чем вы, Владимир Ильич... – снисходительно подняла красивую бровь тетя Ляля. – Я на вас удивляюсь, честное слово. Как только мы уедем, сюда же сразу заселят кого-нибудь, и полгода не пройдет! Мы же комнату не приватизировали, не успели, к сожалению... Видите, в какой спешке уезжаем.

– Ну и катитесь к чертовой матери! Космополиты!

– О, какое вы слово выучили, Владимир Ильич. Похвально, похвально. Вы хоть знаете, что оно означает?

– Конечно, знаю! Предатели, значит! Предатели нашей родины! И не смейте мне ничего предлагать, я на сделку с совестью не пойду! Комната не ваша, а государственная!

– Так пропадет же, Владимир Ильич. Других людей в нее заселят.

– А вы об этом не беспокойтесь! Уж как-нибудь без вас разберутся, кому освободившуюся жилплощадь отдать!

– Так жалко же, Владимир Ильич. Вас и жалко. А так бы у Ниночки своя комнатка образовалась.

– А она и образуется. Кому ж, как не нам, ее отдадут? Мы всю жизнь на производстве...

– Да уж, Владимир Ильич, – грустно покачал головой дядя Петя, глядя на отца с большой печалью, – видимо, социалистические принципы распределения благ крепко в вас засели, в состав крови вошли. Надо лечиться, Владимир Ильич, нельзя так жить, будто в вакууме. Поверьте, от прошлой жизни ничего уже не осталось. Ну, может, кроме вашего пролетарского имени. А может, вам имя сменить, а? Может, вам хоть это поможет вылечиться?

– Да ты... Да ты... Иди ты знаешь куда!.. – тяжело просипел отец, сжимая кулаки. – Катись в свою Америку, и чтоб духу твоего!..

– Тихо, Володь, тихо... – засуетилась мама, испуганно глядя на отцовы кулаки. – Надо ж послушать до конца, что они предлагают. Отказаться-то всегда успеем.

– Вот ты и слушай, коли тебе охота! А меня – уволь! Ишь чего – денег они захотели! Все только деньги, деньги... Одни деньги на уме...

Поднялся, ушел из кухни к себе в комнату. Но дверь не закрыл и телевизор не включил, как обычно. А тетя Ляля ласково обратилась к матери:

– Ну, хоть ты будь более вменяемой, Лид. Ведь провороните жилье, ей-богу, провороните! А так бы Петя все по-умному сделал, кому надо, на лапу бы дал. Сейчас ведь все можно, Лид! Чиновники, как лоси непуганые, прямо с ладони берут, только дай. И все бы на обоюдную пользу. Вы нам – деньги, мы вам – прописку в нашей комнате организуем.

– Лида! А ну подь сюда! – гаркнул из комнаты папа так яростно, что мама с тетей Лялей вздрогнули, одинаково приложив ладони к груди. – И Нинка пусть домой идет, нечего ей там всякие глупости слушать!

Мама подскочила со стула, махнула Нине рукой суетливо – пошли, пошли... А тете Ляле шепнула одними губами:

– Потом, после поговорим.

И действительно поговорила. Только это уже без Нины было. Судя по весьма озабоченному маминому лицу, предложение соседей было воспринято ею как руководство к действию. Потому что приехали вскоре деревенские мамы родственники, ввалились всем

табором, в квартире стало шумно, запахло солеными груздями, квашеной капустой и самогонкой. Весь вечер «видались», как называла мама стихийное застолье, потом улеглись кто куда. Нину положили на кухне, соорудив из стульев что-то вроде неудобного топчана. Приказали сразу заснуть и не шевелиться лишний раз, чтобы стулья не расползались в разные стороны. Но разве можно серьезно уснуть при такой задаче? Так, подремать слегка... И сквозь дрему она услышала мамины слова, произнесенные быстрым горячим шепотком:

– ...Зина, да мы отдадим... И вам, Клавочка, отдадим...

Тетя Зина с тетей Клавой – мамины младшие сестры. Тетя Зина вдова, тетя Клава при муже, чей богатырский храп доносился из комнаты.

– Вы уж, девки, не обессудьте, что обратилась в трудную минуту. Просто случай упустить жалко. Сами ж видите, как живем, ютимся втроем в одной комнатке.

– Случай, случай, – хмыкнула тетя Клава. – Случай-то для твоих соседей хорош, а для тебя... Чего они, без денег никак прописать не могли? Чисто по человеческой душевности? Все равно ж уезжают!

– Да ты что, Клав... – безнадежно махнула рукой мама. – Какая такая душевность, они ж образованные! А у образованных, сама знаешь, какая душевность... Это у простого человека душевность из всех щелей прет, а у этих... У этих все с хитрецей...

– Это да. Это ты правду говоришь, – грустным шепотом констатировала тетя Клава. – Чем проще человек, тем шире у него для доброго дела душа открыта. Это да...

Нина, лежа на своем топчане, лишь тихо удивилась этому странному жизненному наблюдению. И совсем оно не вязалось с обликом тети Ляли и дяди Пети...

– Лид, а чего ж не подкопили-то? – ворчливо вступила в диалог тетя Зина.

– Да где там... – тихо вздохнула мама. – Вон, на заводе уж третий месяц зарплату не выдают...

– А с чего тогда долг отдавать будешь? – резонно заметила тетя Клава. – У нас ведь тоже, знаешь, не лишние, не в огороде растут...

– Да ладно тебе, Клав! – повысив шепоток до сердитого сипения, осадила сестру тетя Зина. – Кто спорит, лишние они или не лишние? Мы-то с тобой и впрямь огородом можем прокормиться и пасекой, и Лешка твой с охоты завсегда мясца добудет... А Лидке тут чего? Кусок асфальта с улицы принести да из него суп варить?

– Клав, я правда отдам... – залепетала мать жалко, со слезой. – Я от Володи потихоньку откладываю буду. Еще полставки уборщицы возьму, хоть и копейки платят, а все вперед.

– Ладно, не реви, – виновато пробурчала тетя Клава. – Я дам, конечно... Есть у меня своя заначка, в зелененьких бумажках храню, добрые люди надоумили. Только Лешке моему не проговорись, поняла?

– Что ты, Клавдейка, что ты!..

– И я дам... Сколь есть у меня, столь и дам, – решительно подвела под разговором черту тетя Зина. – Чай, не в чужие руки даем, Клавдейка, правда? А уж отдаст, не отдаст... Это уж как звезда упадет, нынче особо свою жизнь не запланируешь. Кругом черт-те что творится... Хорошо, мы на подножном корму перебиться можем, а в городе? Ладно, Лидка, не реви, на вот тебе, считай. Сейчас Клавкин Леха покрепше уснет, она тоже свою заначку достанет. В подкладке пальто защита, слышь... Да не реви, говорю! Сказали ведь, поможем! Мы люди простые, нам душевности не занимать.

Родственники на другой день уехали. Через неделю уехали и соседи, навсегда попрощавшись. Отца в день их отъезда не было, и мама позволила себе всплакнуть, обнявшись с тетей Лялей. А дядя Петя смешно потрепал маму по щеке, и она вдруг потянулась за его ладонью, как кошка, которую походя приласкали... Потом стрельнула испуганным взглядом в сторону Нины, опомнилась. И лицо сделалось пугливо-красным от смущения. Было что-то

в этом смущении – неприличное для соседского расставания, что ли... Это уж потом, когда повзрослела и в памяти воспроизвела свою детскую жизнь, поняла – что...

А вечером пришел с работы папа. Накормив ужином, мать подсунулась к нему как бы между прочим:

– Володь... Я вчера в исполком ходила, насчет ордера спросить на соседскую комнату...

– И что? – напрягся взглядом отец.

– Да все нормально, Володь... Дают нам ордер-то. Сказали, надо кое-какие бумаги оформить.

– Ну? А что я говорил? – снисходительно пожал плечами отец. – Так и должно быть, положено мне. У них же там сохранился небось список передовиков с турбомоторного! А как иначе-то? Так и должно быть!

– Ну да, Володь, ну да, – часто закивала мама, убирая посуду со стола. – Именно список и сохранился, как же иначе...

Нина сидела за столом, уткнувшись взглядом в стакан с компотом, где на дне плавали вялая черносливина, расплывшаяся медузой курага и пара изюминок. Отчего-то жалко было маму – до слез. Еще и вспомнилось, как она с дядей Петей прощалась. Как кошка...

– ...«Профессорская»! Следующая остановка – «Комсомольская»! – будто издалека послышался голос водителя из динамиков.

Нина открыла глаза, вздрогнула, соображая, – как это, «Профессорская»? Уже? Так утонула в прошлом, что чуть свою остановку не проехала? Сорвалась с места, бросилась к еще открытым дверям... Успела!

На улице шел снег. Вот вам и продолжение весны с теми же тайно подлыми прелестями. За ночь, значит, милый снежок припорошит ледяные колдобины, скроет от глаз, а утром оскальзывается на них, дорогой прохожий... Шутка такая весенняя, кербуду. Падай, прохожий, не стесняйся, разбивай голову.

Нина поежилась, натянула на голову капюшон, шагнула в темную арку, что вела во двор дома. Подумалось в который уже раз – плохую квартиру они с Никитой сняли. Район спальный, дома старые, кирпичные, еще и эта арка во двор... Всегда темная. Страшно же. Надо Никите позвонить, чтоб в окно глянул. Окна их квартиры аккуратно на эту арку выходят.

Не отвечает... Гудки длинные. Не слышит, что ли? О, да его дома нет. Окна темные.

Нина нажала на кнопку отбоя, зачем-то кликнула еще раз. Это от досады, наверное. Если уж сразу не ответил...

Открыла дверь подъезда, шагнула в темноту. Ничего, это привычно, здесь отродясь лампочка не горела. Там, где почтовые ящики, уже посветлее, туда окно с лестничной площадкой выходит. И подниматься по лестнице недолго – всего на второй этаж...

Вошла в квартиру, включила свет в прихожей, на всякий случай крикнув призывно-весело:

– Никита! Ты дома?

Ага, сейчас... Дома он, как же. Размечталась.

Раздраженно дернула собачку «молнии» на куртке, нагнулась, стянула с ног сапоги. Огляделась в поисках тапочек. Да черт с ними, с тапочками... Нет его дома! Нет! И на звонки не отвечает! Да что это, в самом деле...

Зажгла везде свет, побродила по неуютному чужому пространству. Шкаф, ковер, телевизор, тахта. Все допотопное, хозяйское. На кухне унылый мебельный гарнитурчик, оранжевый пластиковый абажур. Холодильник урчит сердито. Нина выключила свет, встала у окна – так лучше улицу видно. Если из арки огоньки фар покажутся, значит, это Никита едет...

Нет. Никто не едет. Стой, жди. Глотай слезы. Дурочка.

Прикусила губу, усмехнулась горько. Еще и вспомнила данное матери обещание... Когда он жениться надумает, говоришь? Ой, мам, да какое там – жениться. Смешно. Наплевал он на нее, без всякой женитьбы наплевал. Сидит сейчас где-нибудь с однокашниками в уютном кафе, музыку слушает. Они ж такие продвинутые насчет музыки – однокашники... И однокашницы тоже. Зачем она ему, зачем? Сам эту квартиру нашел, сам сюда ее притащил. Гражданский брак называется, репетиция семейной жизни. Какая там, к черту, репетиция...

Злая правда все разрасталась внутри, подступала к горлу, не давала дышать. Нет, надо прекращать это совместное нелепое проживание. Самой рубить гордиев узел. Если парень до такой степени не уважает девушку, с которой живет... Даже позвонить не соизволил, предупредить, что поздно придет! Ничего, Нинка девушка душевная, из простых, Нинка все схавает! Хотя... Насчет «Нинки» она, конечно, погорячилась. Никогда он ее Нинкой не называл. Нина, Ниночка, Нинусь. Как же у него ласково это звучит – Нинусь...

Да, он очень ласковый. И добрый. И беззаботный, как ребенок. И нежный... И немного раздолбай, конечно... Телефон в кармане звонит – он никогда не слышит. А потом брови домиком вверх – о, сколько непринятых вызовов!..

Да и не в том даже дело, какой он. Дело в ней самой. Дело в том, что она его очень любит... Так любит, что чувствует себя ужасно счастливой, несмотря ни на что. И ужасно несчастной одновременно. Замуж, замуж... Да если б знал кто, как она мечтает про этот «замуж»... Хотя, говорят, мечтать не вредно. Полезно даже.

Ну как тут разрубишь этот гордиев узел? Как?!

* * *

Они познакомились в клубе – подруга Настька пригласила отпраздновать день рождения. Компания собралась чисто девичья, сидели, накачивались шампанским, изредка выскакивая на танцпол. Возвращались к столику разгоряченные, смеялись громко, делая вид, что очень увлечены общением. Хотя видно было, как девчонки воровато оглядывают зал в надежде поймать хоть один целенаправленный мужской взгляд. Ну просто так, для самоутверждения. Не было взглядов. Не было. Может, слишком прилично для заведения выглядели... Ни косметики вызывающей, ни одежек брендовых, ни красоты модельно длинноногой. Хорошие девочки, но все равно – чулочки синенькие.

Потом на Настьку положил-таки глаз один из танцующих, изрядно выпивший и нахальный. Но лучше бы он свой глаз при себе оставил, ей-богу... Уж очень противно было смотреть на его покусания завязать ни к чему не обязывающее знакомство. Сначала вытанцовывал перед Настькой, содрагаясь в яростно неприличных телодвижениях, потом вообще начал вплотную пристраиваться, хамовато суется чреслами. Настька увернулась ловко, а он вроде как обомлел от возмущения. Остановился, набычился, выкатил пьяные глаза – как, мол, смеешь от такого крутого чувака отпрыгивать? Ну, и они тоже испугались его бычьего глаза, вернулись за свой столик. Да только не тут-то было... Перед ними нарисовалось это пьяное убожество, схватило Настьку за локоть и потянуло из-за стола. Так сильно потянуло, что она взвизгнула от боли. Девчонки замахали крылышками, конечно, зачирикали, как воробы. А музыка гремит, не слышно ничего... И охранника, как назло, в зале нет. Лишь девчонки-барменши тянут шеи, глядят озабоченно в их сторону.

Нет, понятное дело, сами наварались, клубак есть клубак, всякое бывает. Но если помощи ждать не приходится, надо своими силами справляться. Подскочила с места Танька, начала вежливо увещевать пьяную рожу:

– Отстаньте от нее, молодой человек. Видите, девушка не желает с вами танцевать? Ну же, отпустите ее, пожалуйста.

Танька – она такая. Сильно вежливая, в очках. Дипломатка.

– А че она вдруг не хочет? – зло осклабился нападающий. – Не хочет – захочет. Или с тобой пойдем сбациаем, очкастая. Хочешь?

Отпустил Настькин локоть, потянул лапы к Таньке.

– Нет, – судорожно махнула лапками Танька. – Не трогайте меня, слышите? Как вас сюда пустили вообще? Вроде приличный клуб.

– Ты че меня обижаешь, очкастая? Кого еще пускать, если не меня? Думаешь, сюда только очкастых пускают? А ну пошли плясать, хватит на меня лапами махать!

– Да никуда я не пойду! Перестаньте мне хамить, молодой человек! Я же с вами вежливо разговариваю!

– Да на кой мне сдалась твоя вежливость! Думаешь, сюда за вежливостью нормальные пацаны приходят? Очнись, очкастая, они за другим делом сюда. А ну, пошли. Я покажу тебе такую вежливость – заверещишь от счастья. Пошли, тебе понравится! Но сначала потанцуем!

Тут уж Анька не выдержала – она вообще вежливостью никогда не отличалась. Поднялась, встала меж мужиком и Танькой:

– Слышь, ты, чувак. Хочешь танцевать – иди в Большой, понял? Там как раз нынче танцоров недобор. А здесь твое искусство никто не оценит, отвали!

– Че? – протянул парень, весело-злобно глядя на Аньку. – Че ты сейчас пропела, не понял?

– Что слышал. Отвали, говорю.

– А если по шам?

И замахнулся слегка, будто играючи. Хотя кто мог тогда предугадать, играючи или нет. Тем более Аньку не так-то просто напугать – сама в такой семье выросла, где рукоприкладство не то чтобы поощрялось, но имело место быть. Повернулась по-хитрому, острый локоть аккуратно прилетел парню в челюсть, и довольно основательно прилетел, так, что пьяная голова дернулась назад безвольно. Потом вернулась на место, уже со злобным оскалом, окрашенным кровью...

И – началось. Покатилось, как снежный ком. Потерпевший нанес удар – Анька увернулась. Потом они вспоминали, как оно все было, и не могли сопоставить случившуюся потасовку в деталях. Кажется, подскочил кто-то из-за соседнего столика и тут же отлетел от пьяного кулака, и еще подскочили ему на помощь.

В общем, драка образовалась нешуточная. С женским визгом, с боем посуды, в круговерти разгоряченных тел мелькали белые рубашки охранников. И их чуть было не затянуло в этот клубок.

– Девки, уходим! – звонко скомандовала Анька, первая бросившись к выходу. – Сейчас они наряд вызовут, нас всех в кутузку на ночь запрут!

Нина тоже, ничего не соображая, ринулась вслед за Анькой. На полдороге вспомнила – сумку забыла! А в сумке – паспорт! Дура, паспорт зачем-то с собой взяла! И деньги, и телефон!

Вернулась – нет сумки. Да где ж она? На стуле висела... Стул опрокинут, а сумки нет. Кто-то толкнул в спину пребольно, отлетела к колонне. Нога ступила на что-то мягкое. Опустила глаза – да вот же она, сумка, нашлась, слава богу! Еще и Настькина рядом лежит, зеленая, замшевая. Схватила обе, ринулась к выходу. А там – пробка. Уже не выпускают никого, значит, полицейский наряд прибыл. Все, не успела... Ой, божечки!..

– Ну, чего стоишь, бежим! – кто-то подхватил ее под локоток, потащил в глубь зала, за барную стойку.

Нина побежала с перепугу. Куда? Зачем?.. А парень так крепко вцепился в руку, не отпускает. Вдруг обернулся, сверкнул веселым глазом:

– Через кухню уйдем! У меня там девчонка знакомая, официантка, она нас через служебный вход выпустит.

И опять – бег, суматоха... Из двери в дверь. Лица, острый кухонный запах, собственное тяжелое дыхание.

– Дашка! Вот ты где. Выпусти нас, Дашка.

– Туда, Никит, вниз! Вниз бегите, в подвал! Там направо по коридору, упретесь в железную дверь! Она просто на засов закрыта.

– Понял, Дашк... Спасибо! Рахмат! Шноракалюцон!

Нина даже лица не успела разглядеть у этой Дашки. И не успела спасибо сказать. Не до того было. Выскочили на улицу, парень потащил ее дальше. То есть он Никита, стало быть. Спаситель Никита...

– А сейчас-то куда бежим? – спросила Нина на ходу, задыхаясь.

– К машине... Я там во дворах машину оставил, на стоянке места не было. Лучше, конечно, убраться отсюда побыстрее. Тем более тебе. Ты ж у нас зачинщица драки!

– Я?! Я не зачинщица.

– Да ладно, я ж видел! Ну, не ты, так подружка твоя! Или предпочитаешь в обезьяннике ночь провести?

– Нет... Но я... То есть мы все равно не зачинщицы! Он сам к нам пристал!

– Ага, понял, не виноватая ты. Прыгай в машину, едем!

Плюхнулась на мягкое сиденье, с трудом переводя дыхание. Никита повернул ключ зажигания, рванул с места, выехал со двора на ночную улицу.

В Настькиной сумке надрывался мобильник. Нина дернула «молнию», запустила руку в нутро, нащупала дребезжащее тельце телефона. Ага, Настькина мама, тетя Лена. Отвечать, не отвечать? – заколебалась Нина. – А что она ей про Настьку скажет? Придется же придумывать что-то. Нет уж, пусть Настька сама со своей матерью объясняется!

Никита глянул сбоку, спросил то ли насмешливо, то ли вполне серьезно:

– Эй, а почему у тебя две сумки? Чужую в суматохе прихватила, что ль?

– Нет, это подружкина!

– А, понятно. А я уж грешным делом подумал, ты еще и воровка.

– Да ты... Ты что вообще!.. – задыхнулась от возмущения Нина.

Но не успела высказать своего возмущения до конца, поскольку в собственной сумке тоже проснулся мобильник. Анька...

– Нинк, ты где? Тебя что, забрали?

– Нет, Ань... Я спаслась. Вернее, меня спасли... Через черный ход вывели.

– Кто?

– Ладно, Анька, потом... Кстати, передай Настьке, что ее сумка у меня.

– Ой, правда? Ну, ты молоток! А то наша именинница уже носом хлюпает. Сходили, называется, отметили... Нинк, а правда, ты где сейчас?

– Домой еду.

– В такси?

– Нет... Меня подвезут.

– Да кто, кто подвезет-то?

– Ну, парень один... Все, Ань, у меня батарея садится...

Нина торопливо нажала на кнопку отбоя, сунула телефон в кармашек сумки.

– Одному парню хотелось бы знать, в какой стороне твой дом, – насмешливо проговорил Никита, полуобернувшись к ней. – У одного парня вообще-то бензин почти на нулевой отметке.

– Ой, извини... Мне на Слободскую надо...

– Это где?

- В старой части города, за мостом, где торговый центр «Янтарь»...
- У-у-у... Ничего себе, глухомань... На такие расстояния мой альтруизм не запрограммирован.
- Ну, я не знаю... Тогда на автобусной остановке высади, что ли...
- Какой автобус в два часа ночи?
- Ничего, я такси поймаю. Или частного.
- Да ладно, расслабься, шучу я... Отвезу, конечно. Если опять же на полосатую дубинку не нарвемся.
- В смысле? Это на гаишников, что ли?
- Ага. Они сейчас любят ночами на охоту выходить. Им план повысили на выявление лишних промилле за рулем. За каждый лишний промилле – рубль к зарплате.
- А ты что, пьяный? – обернулась к нему испуганно Нина.
- Нет, что ты. Я трезв как стеклышко. Мы же с тобой из консерватории едем, одухотворенные скрипичным концертом Сибелиуса.
- А, ну да... А ты много пил там, в клубе?
- А ты?
- Мы только шампанское... Немного...
- Ну все, значит, договорились. Как гаишника увидим, сразу местами меняемся.
- Но я не умею... Я вообще ни разу даже за руль не держалась...
- Слушай, откуда ты такая взялась, а? У тебя что, совсем с юмором плохо?
- Но ты же сам... Про гаишников... А вдруг и впрямь поймают? Тебя прав лишат, да?
- А что ты предлагаешь? Машину бросить? Вообще-то, знаешь, я так и хотел... Я ж парень до тошноты правильный, чтобы пьяным за руль – ни-ни. Думал, оставлю на ночь в том дворе, возле клуба, а утром заберу. А тут такой форс-мажор с неформатом! Кто ж знал, что ты в клубе драку затеешь?
- Да я ж тебе объясняю, не затевала я ничего...
- Нине и самой не понравилось, как слезно-пискливо прозвучали ее слова. Сейчас опять скажет, что у нее с юмором плохо... Вон как глянул насмешливо. Эх, Аньку бы сюда с ее острым язычком! Живо бы поставила на место этого смешливого сноба! Ну почему, почему она не умеет, как Анька? Почему голова сама по себе от смущения в плечи втягивается, а язык не те слова лопочет? Лучше уж совсем не разговаривать, к окну отвернуться...
- Эй... Обиделась, что ли? Это вместо того, чтобы доброму дяденьке спасибо сказать?
- Спасибо, добрый дяденька.
- Ладно. Будем считать, принято. Теперь давай знакомиться. Положено же спасенным знать своих героев по имени? Меня Никитой зовут.
- А я – Нина...
- Нина? – переспросил он удивленно.
- Ну да... А что?
- Да так... Ничего. Хорошее имя – Нина. А главное, редкое.
- Опять шутишь, да?
- Нет, почему?... И впрямь хорошее имя... Нина. Сейчас редко такое встретишь. Что-то из моды сороковых годов, правильно? Тогда, мне бабушка рассказывала, всех поголовно называли Нинами, Зинами и Тамарами. Очень круто считалось. А сейчас круто звучит – Инна. У нас девчонка в группе учится – Инна, так она прямо тащится от своего имени! А по сути – только буквы переставить... Нет, мне определенно нравится – Ни-на!
- Никита повернулся, глянул Нине в лицо заинтересованно. И улыбнулся вдруг широко:
- А ты и сама ничего, Нина... Прикольная. Волосы-то свои или крашенные?
- Свои, конечно! – произнесла она с неожиданной гордостью, привычно откинув светлые пряди за спину.

Волосы у нее и впрямь были хороши – от природы нежно-платиновые. Помнится, воспитательницы в детском саду так и называли ее – Ниночка-яичко... Редкий, между прочим, подарок такие волосы. Да к тому же длинные и густые. Наклонишь голову – падают на щеки прямыми прядями. И никаких легкомысленных челочек придумывать не надо. И причесок модных наворачивать.

Да, волосы хорошие, а лицо так себе, с мелкими невразумительными чертами. Если не подмазать, будто и лица нет. Чистый лист бумаги, а не лицо. А с другой стороны – рисуй на этом листе, что хочешь... Вот и насобачилась рисовать, что ж делать-то? Подводкой ровную линию провести, чтоб рука не дрогнула, тушью ресницы подмазать – утренняя обязательная процедура, выполняется почти на автомате. Когда глаза есть, уже и лицо есть. Пусть обыкновенное, но все же лицо.

– Эй, штурман, не спать! – весело скомандовал Никита. – Показывай, куда ехать, я этот район не знаю...

– Да, да, – Нина встрепелась неловко, вгляделась в ночную темень, разбавленную жидким светом фонарей: – С моста сразу резко направо, потом все прямо. А потом в переулок, я покажу.

До родного переулка не доехали совсем немного, машина задержалась, Никита едва успел съехать на обочину. Тихо чертыхнулся – видимо, все-таки бензин закончился. Слегка ударив ладонями по рулю, отвалился на спинку сиденья, в изнеможении закрыв глаза. Нина сидела, съежившись, чувствуя себя виноватой.

– Может, такси вызовешь? – проговорила она жалобно, глядя в лобовое стекло. – А машину здесь на ночь оставишь. Завтра утром заберешь...

– Ну да... Больше мне делать нечего, как туда-сюда мотаться. Тем более до утра совсем немного времени осталось. Я уж лучше в машине пересажу. А ты домой иди... Далеко идти-то? Может, проводить?

– Нет, недалеко. Два шага. Вон мой дом, в начале переулка. Но мне... неудобно как-то.

– А чего тебе неудобно?

– Ну... как я тебя здесь одного оставлю?

– Так не оставляй. С собой возьми. То есть пригласи на чашечку кофе, в лучших традициях романтического знакомства. Ну, или чего еще там... Какао с чаем. У тебя есть какао с чаем?

– Да все у меня есть. Только...

– Что? Папа с мамой ругаться будут?

– Нет, не будут. Их вообще дома нет.

– О! Так чего ж мы тогда сидим, время теряем?

– В каком смысле?

– Да в обыкновенном, в каком! Странная ты какая, ей-богу. Или думаешь, я маньяк и примусь тебя на части рвать?

– Нет. Не боюсь.

– А чего тогда? Какао с чаем жалко?

– Да ну тебя.

– Тогда пошли?

– Что ж, пошли...

Она и сама от себя не ожидала такой прыти. Привести в дом незнакомого человека, да еще ночью! Просто верх сумасбродного легкомыслия! Но опять же, если с другой стороны посмотреть... А что такого? Она ж не виновата, если ситуация так сложилась. И с дракой этой, и со спасением, и с бензином, который все-таки закончился. Не могла же она после всего его на улице ночью бросить!

На всякий случай Нина позвонила в дверь – вдруг родители вернулись? Они бы уж точно явление ночного гостя не одобрили. Нет, за дверью была тишина. Нина открыла, махнула Никите рукой – заходи...

– А ты зачем в дверь звонила? – почему-то шепотом спросил Никита, переступая порог. – Что, родители могут вернуться в любой момент?

– Нет... Они сегодня в саду ночуют.

– В саду? В каком саду? – удивленно уставился Никита.

Она тоже в первый миг удивилась несурзности вопроса – в каком саду, главное! В обыкновенном! В коллективном садовом товариществе! Но в следующую секунду вдруг призадумалась. Послышалась в Никитином удивлении какая-то уничижительная нотка. Нет, ну не с Марса же он свалился, в самом деле? Не знает, что вложено в понятие «сад»? А может, и впрямь не знает? Может, он вообще из другого мира, в котором не бывает коллективного садоводческого товарищества?

А если вдуматься, действительно нелепо звучит – «ночуют в саду». Так и видится смешная романтическая картинка, как лежат папа с мамой на земле под лунным небом, а над головами – цветущие ветки яблонь и груш.

– А, я понял! Это на даче, наверное, да? – радостно догадался он. – Они сегодня ночуют на даче?

– Ну... Можно и так сказать.

Она пожала плечами и почему-то смутилась. Хорошо, что сам догадался. А иначе пришлось бы объяснять, что такое «коллективный сад» и чем он от дачи отличается. Да разве это можно назвать дачей? Фанерный сарайчик на шести сотках в окружении картофельных и луковых грядок да навозная огурцовая грядка и теплица, сделанная из горбыля, вывезенного кем-то на свалку. Ладно, пусть будет так – на даче. По крайней мере красиво звучит.

– Ты проходи в комнату, я пока чайник поставлю. Ты крепкий чай любишь?

– Мне бы кофейку лучше... Сваришь?

– У меня только растворимый.

– Ну, давай растворимый.

Пока топтались в прихожей, Нина успела в свете неяркой лампочки разглядеть лицо Никиты. Очень красивое, надо сказать. Кожа ровная, ухоженная, как у девушки, брови вразлет, ямочка на крупном подбородке. Джеймс Бонд, ни больше ни меньше. Хотя – нет! Никакой он не Джеймс Бонд. Он похож на героя из повести Франсуазы Саган «Немного солнца в холодной воде». И глаза такие же, будто печальным туманом подернуты. Хотя нет, не туманом... И не печальным... Скорее обалдевшие глаза-то. Совсем пьяные, что ли?

Пока возилась на кухне, Нина слышала, как гость включил телевизор в комнате. Ага, футбол смотрит... Болельщик, значит. Хорошо, а потом-то что? Посмотрит свой футбол, выпьет кофе, а дальше?

А дальше – сама решай... Сама для себя определи честно. Может, хватит уже носиться со своей девственностью, ну признайся же себе честно, ведь нравится он тебе? Да, едва знакомы... И что? Сердце-то вон как стучит от волнения. Можно сказать, впервые с ней такое, чтоб разволновалась по-настоящему! Не этого ли ты романтического волнения ждала, оберегая себя от неприятных рук, от немилых губ? Да уж, все как у Франсуазы Саган получается. Увидела – поняла. И никаких сомнений. Да, так бывает. Бывает! Чтоб сразу и рук захотелось, и губ!

А какие у него губы чувственные! Точно как у героя из той повести! Если представить...

Рука дрогнула, кипяток перелился через край кофейной чашки. Так, все, надо взять себя в руки. И пусть будет что будет! – отругала она себя. – Хватит волнением трепетать, тоже

нашлась целка-неврастеничка! Надо ж себя помнить, кто ты есть! Где ты – и где Франсуаза Саган.

Нина подхватила поднос с чашками, вдохнула-выдохнула, медленно направилась в комнату. И тихо рассмеялась от увиденной картины... Герой романа, то есть едва знакомый парень по имени Никита, мирно спал на диване, подложив по-детски ладони под голову и трогательно согнув ноги в коленях. Телевизор исходил криками трибун – кто-то кому-то забил гол.

Нина поставила поднос на столик, выключила телевизор. В наступившей тишине было слышно, как гость сладко посапывает. Вот дрогнули во сне уголки губ, и отчего-то ей со страшной силой захотелось дотронуться до них кончиками пальцев. Нет, она, конечно же, не дотронулась. Пусть спит. Присела на корточки, долго рассматривала его лицо. Внутри плескалась, ходила теплыми волнами незнакомая доселе нежность – интересно, откуда она взялась? Да, наверное, так оно и бывает... Вот так, сразу... А еще говорят – это бабочки в животе порхают. Сколько раз про этих «бабочек» слышала, ни разу в собственном животе их не обнаруживала! Нина усмехнулась грустно – так вот вы какие, бабочки, теперь и я про вас все поняла... Дождалась наконец. Хоть почувствовать, хоть знать, что это такое.

Она накрыла гостя пледом, а подушку под голову подложить побоялась – вдруг проснется. Потом долго плескалась под душем, напевая себе под нос. И снова относительно себя удивилась – как же так-то? Пришел первый попавшийся, увидел, победил... Или не первый попавшийся? А как раз тот, какой надо?

Выйдя из душа, Нина заглянула в гостиную. Спит... Комната сизая от луны, за окном бьются под ветром тополиные ветки. Машина проехала, пробежал по потолку, по стенам короткий свет фар, ослепил на секунду. Нина подошла к дивану, поправила сползший с гостя плед... Дотронулась-таки кончиками пальцев до щеки. Не проснулся. Крепко спит...

Улеглась в своей комнате, обняв руками подушку. Бабочки в животе нехотя сложили крылышки, затаились, – обиделись, наверное. Может, надо в таких случаях более смелой быть? Или наоборот, не надо? Кто ж знает...

И сама не поняла – то ли спала остаток ночи, то ли маялась полусонной сладкой тревогой. Поднимала от подушки голову, прислушивалась... И опять проваливалась в странное состояние невесомости, счастливое и в то же время тревожно опасливое. И ругала себя за робость. И призывала здравый смысл. И опять проваливалась...

А под утро все-таки крепко уснула. Когда почувствовала на плечах его руки, даже не вздрогнула от неожиданности. Уж какая там неожиданность, разве не этого сама ждала? Повернулась, обхватила его шею руками, потянула к себе... И задохнулась в первых торопливых поцелуях, и здравый смысл об руку с робостью отлетел в сторону, предоставив полную свободу их горячим и жадным телам. В какой-то миг ее пронзило короткой и острой болью – прощай, неловкая девственность, и прости... Прости, наступил мой час! Может, и несуразный в своей случайности, но мой! Самый что ни на есть придурочно романтический!

– Ты... что? – глухо прохрипел в ухо Никита, задыхаясь. – Я тебе больно сделал, да?

– Нет, нет... Нет...

И понеслись дальше, в едином дыхании, в горячем и нарастающем напряжении. Остатки боли пульсировали внизу живота, мешая тому, главному, которое вроде и близко было, и не давалось никак... Вот же, проклятая девственность! Испортила праздник узнавания собственной плоти! Ну, хоть Никита получил свой праздник, и то хорошо... Или не хорошо, а так и должно быть?

– Извини, я не понял... Ты это... Первый раз, что ли?

– Ну да... А что?

– Ничего себе!.. Хоть бы предупредила...

– А это обязательно?

– Что – обязательно?

– Ну, предупреждать...

Она открыла глаза, глянула ему в лицо. Да уж, выражение на нем, прямо сказать, было обалдевшее. Нине стало смешно... Испугался, что ли?

– А... можно спросить, Нин, ты не обидишься? Сколько тебе лет?

– Двадцать три скоро будет...

– Ни черта себе! Прямо нонсенс какой-то... У меня вообще впервые такое, представляешь?

– Представляю. Отчего ж не представить-то?

– Нет, а почему ты?... Тебя родители из дому не выпускали, что ли?

– Да при чем тут родители! Нет, я сама так решила. И вообще, хватит об этом! Чего ты мне допрос устраиваешь?

– Да, извини, конечно. Как-то растерялся немного. Надо же... Ты в душ первая пойдешь?

– Да...

В ванной первым делом глянула на себя в зеркало, будто ожидала увидеть в лице некие перемены. Нет. Лицо как лицо. Щеки румяные, губы, припухшие от поцелуев. Правда, глаза, как показалось, блестят по-другому... Нет, а чего им блестеть-то? Ничего особенного в принципе не произошло. По крайней мере для Никиты. Надо отдать себе в этом отчет. Сейчас тоже душ примет, кофе попьет и исчезнет из ее жизни. Подумаешь, случайная подруга девственницей оказалась. Такой вот нонсенс. Бывает.

Пока Никита плескался в душе, она приготовила на скорую руку завтрак. Кофе, гренки, яичница с колбасой. Кухонный стол накрыла льняной скатертью, позаимствовав ее из маминного «богатства». Расставила все красиво, подтянула пояс на халате, уселась за стол, подперла подбородок ладошкой. Поймала себя на мысли – а настроение какое хорошее... Хотя с чего ему взяться, казалось бы? После такой связи, безнравственно случайной? Ан нет, все поет внутри, и никакого стыда на душе нет. Может, у нее природа женская никакая не романтическая, а просто безнравственная? Если не сказать хуже?

Хлопнула дверь в ванной. Нина встрепенулась, расправила плечи, откинула влажные волосы за спину. Встретила показавшегося в кухонном проеме Никиту с улыбкой:

– Садись завтракать, я все приготовила! Как говорится, скромненько, но со вкусом. Что бог послал.

– О, еще и завтрак... Ну, ты даешь...

Уселся напротив, жадно хлебнул кофе. Потом с аппетитом принялся за яичницу, задумчиво поглядывая на Нину. А она сидела – русалка русалкой, улыбалась, глядя на него, как блаженная.

– Так я не понял все-таки... Почему, а? Вот объясни мне, дураку. В двадцать три года быть девственницей – это комплексы или принципы?

– Во-первых, мне еще нет двадцати трех, через два месяца только исполнится!

– Ну, это, конечно, меняет дело, – произнес он с легким сарказмом. – Ладно, это во-первых. А во-вторых?

– А во-вторых... А сама не знаю, что во-вторых! И вообще, чего тебя на этой теме заклинило, какая тебе забота? Нет у меня ни принципов, ни комплексов!

– Так и я вроде о том же... Никаких комплексов не заметил... Нет, а если серьезно? Ведь должна же быть какая-то причина? Ну, или цель...

– В смысле? Какая цель?

– Ну, допустим, корыстная... Говорят, сейчас за это хорошие бабки срубить можно.

– Замолчи, слышишь? Иначе по щам схлопочешь, как говорит моя подруга Анька!

– Ладно, извини дурака. И без того понятно, что цели никакой нет. Иначе с чего бы – первому встречному... А все-таки – почему? А, Нин? Должна же быть какая-то подоплека? Психологическая?

– Хм... Психологическая, говоришь? Ну да, наверное, есть психологическая причина моей девственности. Только она звучит смешно. Хотя чего мне – можешь и посмеяться. В общем, я не могла абы с кем, потому что... Потому что мне было стыдно перед Франсуазой Саган!

Сказала и рассмеялась звонко. Глянула на него с хитрецей: с юмором у меня слабовато, говоришь? Так вот тебе юмор, получи по полной программе!

– погоди, не понял... Перед кем стыдно? – Никита так и не донес до рта вилку с куском яичницы. Потом улыбнулся, кашлянул в сторону, будто с трудом сдержал смех: – Ты что, была с ней лично знакома?

– А ты что, знаешь, кто это?

– Да отчего ж не знаю? Знаю, конечно.

– Может, еще и читал?

– Ну да, не хватало мне до французских любовных романов опуститься! А ты не уходи от темы! Значит, Франсуаза Саган заморочила тебе голову, и ты...

– Да ничего не заморочила! Это же я так сказала, образно... Прикололась слегка. А ты не понял. Жаль. Да и вообще, я особым анализом не заморачивалась. Может, просто состояние души такое было... Или протеста...

– Протеста? Против чего – протеста?

– Не знаю, как тебе объяснить... Вот мой отец, например, уже много лет в состоянии протеста живет, в неприятии новой жизни. И состояние протеста ему силы дает, понимаешь? Войти в новые обстоятельства душевных сил не нашлось, зато протеста – сколько угодно! Вот он за него и цепляется изо всех сил, как за соломинку... Ну вот посмотри, как мы живем, не Версаль, правда? Другой бы сник давно, старым лузером себя почувствовал, а папа живет и протестует! И духом не падает, и прекрасно себя чувствует!

– Не понял... А какая связь? При чем тут...

– А при том. Наверное, я тоже таким образом протестую. Вернее – протестовала... Ну не хотелось мне абы с кем, понимаешь? Не от ханжества, а от уважения к себе! Внутреннее состояние отказа – это тоже протест против навязываемой социумом модели поведения... И сексуальной модели поведения в том числе. О, как умно сказала, даже не думала, что так умею! Значит, мне это... на пользу пошло!

– Нет, погоди. Я все-таки не понял! А почему тогда – со мной? Почему – мне?..

– Не знаю. Так моя протестная природа вдруг распорядилась. А что, имеет право, в конце концов!

– Ладно... Допустим, принимается, хотя и в общих чертах. А в частности... Куда уж мне, тупому представителю сексуальной модели поведения...

– Обиделся, что ли?

– Нет. С чего бы. Я не обиделся, я просто думаю, что мне теперь со всем этим делать... Непривычная для меня ситуация, если честно. Чувствую себя полным идиотом.

– Не надо чувствовать себя идиотом. Надо выйти на улицу и поднять над головой флаг – я сегодня переспал с девственницей!

– Да? Хорошая мысль. Слушай, а ты забавная. Можно, я тебе позвоню? Еще встретимся, поболтаем. Заодно ты мне курс лекций о творчестве Франсуазы Саган прочтешь.

– Звони, конечно. С удовольствием прочту.

– Правда?

– А то.

– Ну, я тогда побежал? Первую пару уже пропустил, а на вторую успею... У нас с прогулами строго, потом объяснения в деканате писать...

– А как, как ты успеешь-то? Тебе же еще с машиной разбираться надо!

– А чего с ней разбираться? – озадаченно уставился на нее Никита. – Надеюсь, где оставил, там и будет стоять... Сяду и поеду...

– А бензин? У тебя же вчера бензин закончился!

– Ты... Ты что? Неужели ты вчера и впрямь в эту байку поверила?

– Ну да... Конечно, поверила!.. – обиженно распахнула Нина глаза. – Значит, ты меня обманул насчет бензина?

– Господи, да откуда ж ты взялась, такая?! А я искренне полагал, что мы в одну и ту же игру играем. Во дурак, да?

– Дурак... Конечно, дурак. И я – дура.

– Да уж... Так живешь и не знаешь, где найдешь, где потеряешь... – Он поднялся из-за стола и задумчиво, с улыбкой взглянул на нее. – В общем, я позвоню тебе вечером.

– Куда позвонишь? Ты ж номер мой не знаешь.

– А! Ну да! Точно! – Он достал из кармана джинсов мобильник. – Совсем тут обалдеешь с тобой... Давай, диктуй номер, я запишу...

Нина продиктовала. И подумала: слишком старательно.

Тут же на подоконнике заверещал ее телефон... И она соскочила со стула, чтобы ответить на звонок.

– Да это я, я номер кликнул... – проговорил ей в спину Никита насмешливо. – Ну, чтобы проверить – вдруг врешь?

– Я – вру?! Зачем бы мне врать, интересно?

– Так ты девушка себе на уме, я понял. Вся такая порывистая, непредсказуемая вся. Ну, я побежал! До связи! Не провожай, я дверь сам захлопну!

Вот так. Еще и сомнительных комплиментов наговорил напоследок. И номер телефона попросил – зачем? Ясно же, что не позвонит... Не любят тех, которые себе на уме. Вместе с их непредсказуемостью и не любят. Как однажды выразился про нее один незадачливый ухажер – мутная ты какая-то... Конечно, мутная! В кафе сводил, цветы подарил, а дальше – непредсказуемый по плану облом. То есть пустые сексуальные хлопоты и некомпенсированные денежные траты. Хорошо хоть фригидной не обозвал. Потому как это ж понятный вывод: если меня – меня! – не хочешь, значит, такая ты и есть, мутная и фригидная. Как говорит известный политик – однозначно.

Нет, а как она с байкой про бензин прокололась! Ведь поверила, честно поверила. Ну, и кто же из нас врет, получается? Хотя – чего себе голову морочить, что за эмоции послевкусия? Все равно не позвонит. Помог красиво расстаться с девственностью, и на том спасибо.

Весь день Нина ходила, исполнившись странной гордостью. Сама приняла решение, сама себе хозяйка! Хочу – халву ем, хочу – пряники... А когда ближе к вечеру Никита позвонил, растерялась. И обрадовалась до дрожи в руках, до гулкового сердцебиения. Вот тебе и пряники с халвой, как все просто оказалось! Ждала, значит, звонка-то! Да, да, давай встретимся! Ровно в пять, на перекрестке Гоголя и Луначарского! Да, поняла, из института поедешь... А куда пойдём?.. Не знаю, куда пойдём. Куда скажешь, туда и пойдём. Нет, ко мне нельзя, родители дома будут.

Так и началась их маетная жизнь, бурно сексуальная до невозможности. А маетная, потому как приткнуться со своими потребностями совсем некуда было. Ну, в машине, конечно, – святое дело... Пока однажды на стоянке какой-то чайник в зад не въехал, и не пришлось бедную машину в сервис везти. Вот тогда и началась веселая жизнь. Чудеса азартно-греховной изворотливости! Но им весело было – жуть! И оба получали странное удовольствие от абсурдности торопливых соитий, и будто соревновались меж собой в поисках опас-

ного местечка. Однажды даже в лифте умудрились, а потом еще – стыдно сказать – в туалетной кабинке ночного клуба... Было, было в этом что-то азартно-романтическое и в то же время нежно-трогательное. В общем, – родом оттуда, из повестей Франсуазы Саган... Их обоюдное азартно-романтическое, нежно-трогательное, одно на двоих счастливое нахальство. Потом, позже, такого острого ощущения счастья уже не испытывали...

Нет, когда удавалось ключи от чужой квартиры раздобыть, тоже были счастливы, конечно. Летели туда, подгоняя таксиста, – скорее, пожалуйста, мы опаздываем! Жалко было и одну лишнюю минуту упустить! И целовались, целовались все время...

Ладно Никита. Ему к такой жизни скорее всего не привыкать было. Но у нее – откуда чего взялось? Прямо стыд вспомнить! Наверное, это ее природа плетью подстегивала, заставляя наверстывать упущенное. Да еще и влюбилась по уши, совсем голову потеряла. Где, как, на чьей постели – неважно, даже чувства брезгливости не было. Да и то – разве голодный испытывает чувство брезгливости? А она такая и была – будто с голодного остова сорвалась, все никак насытиться своей молниеносной любовью не могла. Сама себе удивлялась, но так, исподволь... Некогда было удивляться-то. Да и не хотелось никаким анализом заниматься, хотелось любить, как уж получалось. А получалось именно так, захлеб.

Однажды, помнится, очнулись в чужой постели – сейчас и не вспомнить в чьей... Кажется, однокашник Никиты ключи от квартиры дал, у него родители в отпуск уехали. Лежали, счастливые, обессиленные, как две рыбки, выброшенные штормовой волной на берег. Она потянулась, лениво перевернулась на живот, рука скользнула под подушку... Пальцами нащупала что-то. Вытянула – трусы. Чужие. Необъятных размеров. Однокашниковой мамы, наверное. Никита глянул... И передернулся вдруг. Встал, подошел к окну, закурил нервно, пустил в форточку струйку дыма. И вдруг проговорил, не оборачиваясь:

– Нин... А тебе не надоело по чужим хатам, на чужих постелях, а?

У нее сердце оборвалось. Решила – все, кончилось счастье. Лежала, сжавшись в комок, не зная, что ответить. А что тут ответишь? Если ему, судя по вопросу, надоело.

– Давай квартиру снимем, Нин? Чего мы, как озабоченные малолетки? Взрослые вроде люди...

– В смысле – квартиру? Я не поняла, Никит?..

– А чего тут понимать? Снимем квартиру, как все люди, будем вместе жить. Вместе уснули, вместе проснулись. Хорошо же, правда?

– Да... Да, хорошо, конечно... Замечательно просто...

Говорила осторожно, будто боялась его спугнуть. А душа замерла от счастья. Жить вместе, в одной квартире, как одна семья! Это же... почти как замуж выйти! За любимого Никиту! Каждый день его видеть, готовить ему завтраки, рубашки стирать... Да неужели это возможно?

Странно, но ей тогда казалось нормальным так думать – немного в уничижительном направлении. Спасибо, мой господин, что назначил меня любимой женой. И позволил мне, голову от любви потерявшей, до конца ее потерять.

– У нас в группе девчонка есть, она, по-моему, однушку на окраине сдает, ей от бабки в наследство досталась. Я завтра спрошу у нее, хорошо, Нинуль?

– Спроси... Спроси, конечно. Только ведь дорого, наверное? Хотя мне зарплату со следующего месяца обещали повысить...

– Да нет, какая зарплата... Не парься, я арендную плату на родителей повешу. Чего возьмешь с бедного студента?

– И они согласятся?

– Конечно, согласятся! Без проблем. И вообще, они у меня продвинутые, не переживай! Любые практические навыки с моей стороны приветствуются.

– Не поняла. Какие навыки?

– Ну... В смысле самостоятельности. Мужского становления, так сказать. А твои – как в этом смысле? Ничего, нормальные?

– Да... Да, в общем...

А что она могла ему ответить? Сказать, что родители в этом смысле как раз ненормальные? Что они, мягко говоря, не то чтобы ее поступка не одобряют, но и скандал могут закатить? Матери еще туда-сюда, что-то можно объяснить, но отцу... Она даже представить себе не могла, что скажет ему. И какими словами он ее потом назовет. Лучше бы, конечно, оттянуть это «потом» на потом... Или придумать что-нибудь...

Ничего не придумалось, кроме бегства. Она просто собрала чемодан и оставила родителям записку на столе. Длинную, умоляющую, с намеком в тексте на скорую свадьбу. А без намека никак бы не обошлось, надо же было горькую пилюлю подсластить. Целый месяц потом отцу на глаза не показывалась, боялась. А с матерью часто созванивалась, слушала в трубку ее упреки: «Нехорошо, дочка, не по-людски... Папа очень переживает...»

Но со временем и это наладилось. Даже отец смирился, только иногда загонял в угол вопросом: свадьба-то будет когда иль нет? И что там за женишок такой, который родителям невесты должного уважения оказать не может, в гости зайти по-человечески! Рылом для него, что ли, не вышли? Не могла же она отцу правду сказать! Ужасную правду, стыдную! Прости, мол, папа, но не хочу я тебя с Никитой знакомить. Опасаюсь, боюсь, стесняюсь. Да, я плохая дочь, папа. Дочь-предательница. Более того, и сам Никита с тобой знакомиться не стремится. И не потому, что вы с мамой, как ты говоришь, рылом не вышли, а потому, что ему, похоже, все равно. Потому что он из другой жизни, которая позволяет ему быть ветреным сыном продвинутых родителей. Из той самой жизни, в которую и сама я не особо вписываюсь...

Хотя поначалу Нине показалось, что вполне даже вписалась. В первый же выходной после начала совместной жизни Никита повез ее на родительскую дачу – знакомиться. Она волновалась – жуть! Долго не могла решить, что надеть, какую прическу сделать. И в машине, когда ехали, тряслась от страха, а он лишь поглядывал удивленно – чего, мол, тебя расколбасило так? Подумаешь, родители!

Они встретили ее улыбчиво-равнодушно, как встретили бы, наверное, всякую Никитину подружку. Но ведь она-то была уже не всякая! Она же была... почти жена, почти невестка! Она ж не знала тогда, какое оно легкомысленно-необязательное – это «почти»...

Они были вежливы, коммуникабельны и обаятельно моложавы – родители Никиты. Мама, Лариса Борисовна, и папа, Лев Аркадьевич. И дача у них была очень красивая. Просто картинка, а не дача. Большой бревенчатый дом-пряник с островерхой крышей, с просторной застекленной террасой, с высокими соснами на участке. А главное – ни одной грядки нигде не было, она специально посмотрела! Только сосны, цветы и нежная зеленая травка, по которой так и тянуло пройти босиком. Хочешь не хочешь, а поневоле сравнения напрашивались с родительским «садом», причем довольно грустные. Как они, папа с мамой, пашут весной на своих шести сотках. В рваных лняных трениках, с красными от майского солнца лицами, с потными подмышками. Мама то и дело бежит в дом (оба гордо именуют этот сарайчик домом!), чтобы проверить суп на плите. Потом звонко кричит в окно: «Володя, обедать!» Папа ополаскивает руки в бочке с ржавой водой, садится за шаткий столик и жадно хлебает густое варево, и пахнет от него довольной усталостью, затхлой после зимы одеждой и навозом.

Нет, на этой даче все было не так. Здесь праздник был, отдохновение духа. И развалившийся в плетеном кресле Лев Аркадьевич, и красивая, в белой тунике, Лариса Борисовна, разливающая по чашкам чай...

– Ниночка, а вы в курсе, что у этого обалдую гастрит? – легкий кивок головы в сторону Никиты. – Что ему нельзя ни жирного, ни острого, ни копченого?

– Да... Я поняла, Лариса Борисовна, – с готовностью подтянулась Нина на стуле, преданно глянув ей в голубые веселые глаза.

– А вы учитесь или работаете, Ниночка?

– Я работаю, в строительной фирме.

– О! Так вы, значит, в строительном институте учились?

– Нет, я не в институте... Я строительный колледж окончила. Я по специальности техник-строитель.

– А...

И в этом «а» тоже сквозило веселое вежливое равнодушие. Но Нина тогда его совсем не ощущала, от страха, наверное. Она вообще в нее сразу влюбилась, в Ларису Борисовну. Такая она была легкая, веселая, красивая... Стройная, маленькая, порывистая, в белых обтягивающих джинсах. И очень гармонично смотрелась на фоне крупного и вальяжного Льва Аркадьевича, серьезного, но в то же время снисходительно добродушного. Нина тогда подумала: наверное, про таких мужчин и говорят – за спиной, как за каменной стеной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.